

Р29.995

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

МОСКВА

за нами

ПОЭМА

Государственное Издательство
Художественной Литературы

МОСКВА

1 9 4 2

Редактор А. Мясников

Подписано к печати 6/VIII 1942 г. А61266.

1/2 п. л. 0,7 уч.-авт. листа. Тираж 50 000 экз.

Цена 50 коп.

Фабрика юношеской книги изд-ва ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»

Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина.

Лермонтов.

Артиллерия — бог войны.

Сталин.

I

Дорога здесь на Запад пролегла.
Сверни с нее — и вот он, вот он, близко,
граненый, строгий камень обелиска
с орлом, простиершим два своих крыла.
Суровая, священная верста!
Горит закат. Безмолвствует природа.
Привет вам, знаменитые места —
любовь и гордость русского народа!
На этот раз упал в Бородино
один лишь камень вражьего вторженья,
но и теперь известно нам оно
как место знаменитого сраженья.
Здесь вновь кипели жаркие бои,
здесь вновь летели ядра в избыльки,
здесь вновь пошли сородичи мои
противу иноземного насилья.
Отпела вьюга, опалил мороз
немецкие, расколотые танки.
Валяются их грузные останки
в ногах у русских тоненьких берез:
Застывшие в смятении и страхе,
торчат из снега мерзлые тела.
В смирительные белые рубахи
судьба их напоследок облекла.
Их ветер освистал. Шальную их мечту
унес буран на сторону степную.

Их даже птицы вольные минуют,
с презреньем огибая на лету.
О, если б предки увидеть могли
сквозь вечные могильные потемки,
как ревностно их честь оберегли
достойные бессмертия потомки!
Привет вам, полые апрельские снега!
Вы влагой напоили нашу землю.
Я вас как дивный, вешний дар приемлю
и с новой силою клянусь врага.

II

Стоял октябрь. Весь в отблесках луны,
расшитый легкою багряною листвою.
Но горестный, тлетворный дух войны
вита́л над омраченною землею.
Нет, не забыть нам этих горьких дней!
Печаль и мрак нависли над странюю.
Враг рвался на Москву, решив пробиться к ней
любыми средствами, любой ценою.
Теснимы алчностью коричневой орды,
залившей мир страданием и кровью,
мы в этот месяц золотой страды
с боями отходили к Подмоскovieю.
Противник густо лез. Темным-темно.
Грозь бедою ползли его машины,
стремясь прорваться сквозь Бородино
на гладкие Можайские равнины.
И — что таить — был трудным дерзкий спор
с машиною железного потока.
Тогда-то и пришла и приняла в упор
удар врага дивизия с востока.
Привел ее бывалый командир,
овеянный хасанскими ветрами;
высокий ростом, он смотрел на мир
спокойными, чуть грустными глазами.

Его взрастила вольная Сибирь,
он воинство постиг еще ребенком, —
могучий, статный русский богатырь,
с улыбкой доброй, с голосом негромким.

III

Дозоры наши утром донесли,
что на рассвете, снявшись со стоянки,
вдоль насыпи сторожким ходом шли
под зелень размалеванные танки.
Вертявые, минуя частый лес,
в лоснящейся на солнце шкуре
шли три полка: «Одиннадцать — СС»,
полк «Дойчлянд», полк по кличке «Фюрер».
С отборною фашистской немчурой,
генимой жаждой крови и разрухи,
и повстречался гордый наш герой —
прославленный полковник Полосухин.
Он понимал: враги крепки в бою,
позыв к отходу вызвать не легко в них, —
всю мощь огня, всю ненависть свою
обрушил на захватчиков полковник.
Он смерть и гром послал навстречу им,
дерзнувшим взять священные просторы,
он заглушал землю их моторы,
он обвернул их в зарево и дым.
Их гнула смерть у каждого куста,
увечил вихрь у насыпи на склоне.
Тогда они укрылися в затоне,
решив нащупать «слабые места»
в суровой бородинской обороне.
Не выдали противнику «ключи»
ни Рогачево, ни деревня Кюлочь.
Прямым броском ни утром, ни в ночи
не прорвалась коричневая сволочь.

Пройдут года, но песня сохранит
героев дня. И мы припомним снова,
как разогнулась прусская подкова,
ударившись с размаху о гранит
бесстрашья капитана Щербакова.

IV

Пробившийся на Минское шоссе,
противник устремился к цели сбоку,
чтобы по торной узкой полосе
к Бородину продвинуться с востока.
Колонной в сорок танков он идет,
деревню Утицы захватывая с ходу.
Колонну в сорок танков он ведет,
но половину наш огонь кладет
хваленным генералам не в угоду.
Здесь немцы дикую затеяли пальбу,
ракетами страшая нас вначале.
Потом в какую-то гнусавую трубу
«сдавайся, рус!» — в истерике кричали.
Но кто б из русских к ним пошел в плен,
менять свободу на позор застенка!
Здесь смертью храбрых гибнет батальон
стремительного капитана Зленко.
— Вперед! — кричит он. — Не сдадим
Москву! —
И сам бежит по выжженному скату
и падает на черную траву,
успев швырнуть последнюю гранату.
Трещат у наглых немцев черепа,
крушит их наше мужество и сила.
Напрасно их нелепая труба
в истерике о плене голосила.
Какой из наших истинных бойцов
сдавался в плен, не вымолвив ни слова?!

Здесь гибнет батарея храбрецов
героя-лейтенанта Кузнецова.
Прямую обвинительную речь
читают немчуре артиллеристы —
с губительным, неукротимым свистом
кромсает немцев русская картечь.
Карает немцев грозная страна.
Гремучая, отвесная, сплошная
встает пред ними смертная стена,
на шаг к Бородину не подпуская.

V

Бородино! В невольное смятенье
оно успело немцев окунуть.
Оно стоит как страшное виденье —
нельзя развить успеха наступленья,
не взяв его и не расчистив путь.
Тогда какой-то прусский грамотей
решил прибегнуть к замкнутости круга:
не то по наглости, не то с испуга
полезли немцы с севера и с юга,
с восточных троп и западных путей.
Российскую невежливость кляня,
эсесовцы пошли на приступ снова.

На этот раз всю тяжесть их огня
взяла на плечи прочная броня
орудий капитана Зеленова.
Не в силах взять Бородино в упор,
оглохнувший от пушечного рёва,
противник, как заправский вор,
решает сбить с литых ворот запор,
войдя в Татариново и Псареве.
Темно в глазах, когда подбитый зверь
бросается на раненые плечи.
Но несмотря на горечь от потерь,
об отступленьи не было и речи.

Остервенев, уже в четвертый раз
идут на нас взбешенные бандиты,
скрипя зубами, атакуют нас,
но вновь и вновь атаки их отбиты.
Под гром своих и вражеских мортир,
под клёкот мин, под частый треск шрапнели,
на синей эмке в каске и шинели
приехал сам хозяин-командир.
— Ребята! Полосухин вместе с нами! —
веселый возглас из лесу летит.
— Да где он? Где он?
— Вон он, за кустами,
у крайнего орудия стоит! —
С бойцами рядом он привык сражаться.
Спокойный голос весел и упрям:
— Ну, что ж, товарищи, давайте уж держаться,
как подобает русским пушкарям!

VI

Подтягивая на горбатых танках
нетрезвых автоматчиков своих,
противник для блезира спозаранку
замкнулся, поперхнулся и затих.
Затянутый предутренним туманом,
он делал вид, что кончилась гроза,
надеясь незатейливым обманом
ослабить наши уши и глаза.
Но изучали мы ее недаром,
кровавую немецкую лису.
Встает восход, и зверь взметнулся яро,
сосредоточив главные удары
на нашей артиллерии в лесу.
Грозит нам с запада Шевардино,
ведет обстрел Семеновское с юга,
с востока безотрадно и темно —
летит из Горок яростная вьюга.

Но в тесноте березовых стволов
не слышат выюги доблестные люди.
Прямые жерла громовых орудий
наводит неподступный Зеленов.
Обрыдло немцам с пушками возиться —
несутся к лесу десять танков в ряд.
Но Зеленов с открытых бьет позиций,
и десять танков нехотя горят.
С далекого распутья окружного
доносит ветер шелест мокрых шин.
Везут пехоту. По команде снова
гремят в лесу орудья Зеленова —
и нету сразу десяти машин!
Чем распахнуть смертельную завесу?
С каких высот загнать железный клин?
Противник начинает бить по лесу
тупым огнем своих бризантных мин.
Когда б не смерть, — дивиться бы: красивого
Искусно, по-цыгански завиты,
повисли облака разрывов
почти необъяснимой черноты.
За лесом начинается, в лесу ли
снарядов задыхающийся вой?
Уж лес — не лес, а злой гигантский улей,
очерченный трассирующей пулей,
осыпанный ссколочной пургой.
Всё потонуло в грохоте и стоне.
Горят стога. Пылают трактора.
Постромки рвут испуганные кони.
Быть может, отступать уже пора?
Насели бронированные банды.
Порвали связь. Крепи ее, крепи!
И Зеленов дает уже команду
из уст в уста, по кругу, по цепи.
Не так ли, слыша посвист ядер резкий,
смирняя норы вражеских атак,
за землю русскую стоял Раевский?

Наверно, так: Да, да, конечно так!
Нет, как бы ни был поздний час опасен —
трепещет смерть, когда бушует жизнь.
Не кончились еще боеприпасы.
Держись, друзья-товарищи! Держись!
За древнюю кремлевскую стеною
вас слышит Сталин. Ваш родной отец.
Он чувствует отеческой душою
сыновнее биение сердец.
Он знает всё. Он не смыкает вежды.
Он вместе, вместе с вами, впереди.
Высокий пламень воинской надежды
пылает в чуткой сталинской груди.

VII

Неужто немец наши души вытряс?
Зачем молчим? Где главный наш расчет?
Понятно! Зеленов пошел на хитрость!
Охотник, он снаряды бережет.
Молчанье наше — для врага приманка.
В притихший лес, в туман березняка
врывается восьмёрка шальных танков,
чтоб затоптать, сломить наворачьяка.
Не надо даже трогать панораму,
она здесь совершенно не нужна.
Враги вблизи, работать надо прямо.
В прицельной трубке их судьба видна.
— Огонь! Огонь! — Пылает первый с борта.
Багровой опоясанный тесьмой,
дымит второй. И третий. И четвертый.
— Огонь! Огонь! — И на бок лег восьмой.
Земля под ним размолота и взрыта.
Завоет нынче «Дойчлянд» от пропаж.
Не выйдет из разбитого корыта
завешанный крестами экипаж.
Идет девятый. Медленный. Тяжелый.

Костями своих собратьев окружен,
обсдранный, рыгающий, комолый,
он лезет к батарее на рожон.
У нашего наводчика Отрады
уносит руку дикий вихрь снаряда.
Но тот стоит, весь кровью залитой, —
теряя правую, стоит с лафетом рядом
и левой дергает упавший шнур витой.
Прочищен ствол, не сдаст тугой замок.
Наводка безупречная, прямая.
Еще раз к небу круглый гром взлетает,
и — кончено. Девятый танк замолк.
Обняв, как друга, и прижав щекою
холодный пламень бледного лица,
сам Полосухин ближнюю тропую
ведет в укрытье юного бойца.
Ни крика, ни слезы, ни стоны
не проронил на поле брани он.
Как пламенный защитник бастиона
невидимой рукой Багратиона
сибирский парень был благословлен.
Бородино стояло гордо, строго.
Враг в бешенстве топтался у порога.
Бородино стояло на крови.
Кипеньем гнева и огнем любви
была к нему отрезана дорога.

VIII

Бородино! Тверда́ земля твоя.
Одно твое торжественное имя
выводит павших из небытия
и чудодейно властвует живыми.
Бородино! Вся удаль молодая,
вся гордость русская в тебе живет,
вся родина от Крыма до Алтая,
от знойных круч до северных широт.

Весь день с рассвета шел неравный бой,
великого достоин удивленья.
Туман опять спускался над землей.
Фашисты подвозили подкрепленья.
Пусть будет так. Пусть в мире нет чудес
и веру в них легко не уготовишь.
Но был для немцев скромный русский лес
грознее их малеванных чудовищ.
Пускай германец злобен и неистов,
но стерегли земли родимой твердь
сто пятьдесят лихих артиллеристов,
готовых к смерти и презревших смерть.
Зажатые в дымящемся кругу,
натруженные, в огненной полуде,
в лесу из тридцати шести орудий
стреляли только девять по врагу.
Видать шальную птицу по полету,
когда ее удар не миновал.
Враг наскоро высаживал пехоту,
он танками теперь не рисковал.
Темнело. В поздний час заката
бойцы встречали вражий натиск вновь.
— Проверь винтовки! Приготовь гранаты! —
командовал чуть слышно Зеленов.
— Скорей, — шептал он, — веселей, ребятки! —
и припадал за влажный горб гряды.

Уже стояли в боевом порядке
немецких автоматчиков ряды.
Сквозь тонких веток легкую сетчатку
артиллеристы видели вдаль:
вот встали немцы, вот они пошли.
В блестящих белых лайковых перчатках
их офицеры на убой вели.
Опять далеким выстрелам вдогонку
метнулись мины, с воем рушась вниз.
И вдруг замолкло всё. До-нельзя тонкий,

противный голос в воздухе повис:
— Эй, русские! зашьем ви помьбираем?
Ест плен? Нихт гут вам помьбйрать!
— Сейчас мы вам перчатки замараем, —
неслось из леса, — век не отстирать!

IX

И грянул залп. Сначала без опаски
рванулись автоматчики с бугра, —
бегом, бегом, пригнув стальные каски,
стреляя не по-нашему — с бедра.
Сопя и обливаясь лотом,
эсесовцы палили невпопад.
А наши залпы били, как по нотам —
свалился сразу весь передний ряд.
Расстроились, рассыпались вояки.
И вдруг легли у наших на глазах.
Поборники «психической атаки»,
они, как зайцы, прятались в кустах.
Где ж ваша резвость, имперские черти?
Где ваша стать, коричневая рать?
Вас даже офицер под страхом смерти
от целины не может отодрать!
Он по-гадючьи вьется у куста.
Он в ярости. Он стал от злости белым,
отчаявшийся, с пеною у рта,
блестя резьбой «железного креста»,
он тычет в небо новый парабеллум.
Брось, офицер, ты кажешься смешным.
Вставать твоим мерзавцам неохота,
они же слышат, как строчит по ним
упрямая советская пехота.
Она еще недавно, как могла,
лупила по эсесовцам из пушки.
Теперь она в окоп, залегла,
винтовки трехлинейные взяла
и ловит, как шакалоз, вас на мушки.

Вот и убит ваш офицер. Теперь берет вас без задержки в шоры уже другой в мундир одетый зверь, — у этого короче разговоры.

Прямой, поджарый, он похож на рысь, он бьет в затылок трех лежащих с края.

И вот вы подчинились. Поднялись.

И вновь два дружных залпа раздались, и повалилась партия вторая.

Не может быть, никак не может быть, чтоб храбрецы шутов не одолели!

Добить хвастливых вóрогов, добить, пока они прорваться не сумели!

Бегут проклятые, бегут вперед.

Спешит, спешит коричневая рота.

Но тут их с фланга взяли в оборот два станковых советских пулемета.

И надо было только посмотреть, как мокрых их, затянутых росой, валила нáземь праведная смерть своею беспощадною косою.

С кем вы связались, бешеные псы!

С народом Невского, с кутузовскою славой!

Погромщики, насильники, трусы,

да мы вас вырвем с корнем, обезглавим!

Совсем стемнело. В голубую высь,

как хищные, хвостатые кометы,

с кошачьим шипом наискось взвились сигнальные немецкие ракеты.

Отбой сыграли немцы. До утра они решили больше не храбриться.

Пора, товарищи, теперь уже пора сниматься с уготованных позиций.

Укрыты раненые. Свиты гровода.

Винтовочки повешены за плечи.

Разобраны на конях повóда —

до отдыха буланым недалече.
Лафеты улеглись на передки.
Притихшею полуночной порою,
по глубине рва, как по руслу реки,
на север двинулись усталые герои.
Уходят пушки — но они грозят!
Уходят люди — чтобы возвратиться!
И горе вам, вильгельмы, гансы, фрицы,
когда они воротятся назад!
Горит в ночи распаханное знамя.
Блестят огни пятиконечных звёзд.
Всё тверже шаг. Развеялся и замер
последний звук, последний стук колес.
И только легкий свежий отпечаток
остался на песчанике во рву.

Так кончилась одна из жарких схваток
за нашу честь, за волю, за Москву.
Закончена еще одна страница.
Написана еще одна строка
великой книги битвы за столицу.
Мы отошли, чтоб с новых огневых позиций
громить и обескровливать врага.
Мы отошли. Но помни нас, страна, —
мы здесь стояли за тебя стеною.
Враги продвинулись, но — стороною,
как черти ладана, боясь Бородина.

Х

Дорога здесь на Запад пролегла.
Сверни с нее — и вот он, вот он, близко,
граненый, строгий камень обелиска
с орлом, простершим два своих крыла.
Суровая, священная верста!
Легендами овеянное поле.
Привет вам, знаменитые места,

недавно побывавшие в неволе.
Здесь всё нам любо. Каждой тропки пядь.
Холмы и кручи не окинуть взором.
Коварный враг здесь лютовал опять,
чтоб броситься в великом страхе вспять,
снедаемый досадой и позором.
Мы бьем, мы давим хищную орду.
От этих мест бои уже далеко.
Враг в злобе огрызается жестоко,
но смерть его у мира на виду.
За горький дым поруганного дома,
за скорбь, за боль, за слезы матерей
ему не скрыться, не уйти от грома
победоносных русских батарей.
На Запад смотрят русские штыки.
Смелей, смелей! — подсказывает сердце.
Вперед, орлы! — донцы, кубанцы, терцы!
Вперед, волжане и сибиряки!
Запомни, враг, презреньем заклеимен:
не покоришь нас, волей непреклонных,
не сломишь нас, с рожденья осененных
величьем гордых ленинских знамен.

Западный фронт
Апрель 1942 г.